

щить этот материал (ОДИН И ТОТ ЖЕ) по всему миру и вывести из него общий знаменатель, это относится в ещё большей мере.

Да, архетипы — врождённые шаблоны человеческого миропонимания, и всё, что не вписывается в них, вряд ли будет многими понято, как не удержится на орбите планета, если эта орбита лежит не в плоскости эклиптики. Но значит ли это, что плоское осознание плоскости — предел человеческого познания? Что и в имеющихся пределах нет безумно интересных возможностей? Что тот, кто вообще не видит противника и бесцельно молотит воздух вокруг себя, — хороший боец?

V.3.2. Критерии антинауки

Итак, если оставить в стороне паранауку (она обычно распознаётся легко), то каковы же критерии квазинауки? На основе имеющихся работ на эту тему (Китайгородский 1967; Мигдал 1982; Холтон 1992; Кругликов 2003; и др.) их можно подытожить следующим образом:

- 1) Претензии на полный переворот в науке в каждом отдельном случае.
- 2) Противопоставление себя не одной какой-то научной школе, а всей прежней профессиональной («официальной» или «цеховой») науке, выдающее, что сам автор не рассчитывает войти в «цех» и не разбирается в его структуре.
- 3) Отказ от опоры на все прежние достижения науки («зачёркивание» их, по А. И. Китайгородскому), вплоть до отрицания установленных фактов.
- 4) Непонимание или игнорирование различий между наукой и сциентизмом, между наукой и тем, как государство использует её достижения.
- 5) Понимание истины как соответствия наших представлений не реальности, а нашим же ценностям (мифологический критерий «правды»).
- 6) «Гипоплептическая» логика, то есть непонимание или игнорирование разницы между непроверенной гипотезой и теорией, обоснованной по всем правилам. Либо надежда, что догадки автора когда-нибудь будут доказаны... кем-нибудь другим.
- 7) «Междисциплинарные» притязания — в форме смешения научных сфер и переноса методов одних наук в другие без должной апробации их применимости в новой области.
- 8) Претензия на соединение в рамках одной теории научного и ненаучного стиля мышления (гибриды мифологии, религии и даже философии с элементами научных знаний).
- 9) Отрицание значения экспериментального метода или его модификация (от опоры на немногие и неаккуратно поставленные опыты до ограничения эксперимента рамками только физических наук). Прежде всего — отрицание такого важнейшего требования к эксперименту, как повторяемость и воспроизводимость результатов.
- 10) Смешение научного и художественного стиля письма, дающее основание считать «научной» нечёткую художественную логику, но при этом пользоваться научной терминологией, теряющей в таком употреблении свою определённость.

- 11) Принципиальный антипрофессионализм — от неправомерного расширения границ методов, принятых в своей дисциплине (мягкий случай), до воинствующего дилетантизма.
- 12) Стремление решать только глобальные проблемы, так как для конкретных вопросов не хватает знаний.
- 13) Власть авторитета вместо власти фактов. Лжеучёного можно отличить по постоянным ссылкам на одного-двух канонизированных им авторов, критики которых он не допускает. Поэтому школы лженауки не сотрудничают не только с признанными научными учреждениями, но и между собой. Если же они пытаются наладить партнёрство, то такими методами, что это больше напоминает не научное сотрудничество, а политический блок.
- 14) Восприятие себя не как «труженика науки», а как «борца» (нарушение принципа коллегиальности): основные усилия тратятся не на исследования, а на борьбу за место, академические титулы, публикации, индекс цитирования, внимание со стороны журналистов и т. п.
- 15) Самореклама, вытекающая из ориентации на авторитет и означающая претензию на такую же роль. По мнению лжеучёного, Ньютон и Эйнштейн обязаны славой не своим открытиям, а лишь умелой «раскрутке», что оправдывает в его глазах такой же стиль поведения.

Разумеется, не всегда налицо полный набор этих признаков, и не все они в отдельности говорят о лженаучности. Так, тяга к глобальности — возрастной этап, через который нередко проходят молодые учёные. Для примера достаточно сослаться на раннюю работу А. Л. Чижевского «*Физические факторы исторического процесса*» (1924), где он сводил чуть ли не все исторические события к ритму солнечной активности, и сравнить её с поздней работой того же А. Л. Чижевского «*Земное эхо солнечных бурь*», где уже зрелый учёный решает вопросы не столь масштабные, зато гораздо убедительнее. А. Дж. Тойнби с сожалением констатирует:

«Молодой Моммзен создал объёмный труд, который, конечно, навсегда останется шедевром западной исторической литературы. Его «*История Римской республики*» была опубликована в 1854—1856 гг. Но едва книга увидела свет, как автор начал стыдиться своего труда и постарался направить свою энергию в совершенно другое русло. Моммзен потратил всю оставшуюся жизнь на составление полного собрания латинских надписей и издание энциклопедического собрания римского конституционного права. В этом Моммзен проявил себя типичным западным историком своего поколения, — поколения, которое ради престижа индустриальной системы готово было превратить себя в «интеллектуальных рабочих»» (Тойнби 1991: 15).

Между тем книга молодого Т. Моммзена, видевшего в древнем Риме признаки современного ему капитализма, не особенно оригинальна. В наши дни она была бы забыта, если бы не громкое имя на обложке — имя великого историка, прославленного именно конкретными исследованиями последующих лет, где Моммзен высту-

пил именно как «пролетарий умственного труда» — в прямом смысле и без всякой иронии. Сам А. Дж. Тойнби такого перехода не совершил.

Русский коллега Т. Моммзена, В. В. Латышев, ограничился только изданием латинских и греческих надписей Северного Причерноморья. По терминологии Л. Н. Гумилёва (1990: 7), его следовало бы отнести к «оскущителям науки» и предречь забвение. Но вот уже более ста лет, как любому историку или археологу, занимающемуся античной эпохой в истории Причерноморья, не надо расшифровывать, что такое IOSPE⁹⁰.

Точно так же междисциплинарность — сама по себе ещё не зло. Разделение науки на узкие сферы, при котором исследователь порой не знает, что происходит в творческой лаборатории соседа, — давняя и болезненная проблема, нуждающаяся в решении. Однако это не узаконивает «простые» решения. Как отмечал В. Г. Буданов на международном симпозиуме «Процессы самоорганизации в Универсальной истории» (Белгород, 29.09—2.10.2004, запись от 30.09.2004), выход — в работе команд специалистов, а не в фаустовском стремлении «всё собрать в грудъ свою одну».

Таким образом, появление в работе хотя бы одного из признаков антинауки не всегда достаточно для её осуждения. Но оно должно насторожить, прежде всего, самого автора: он подошёл к опасной черте. Если его это не встревожит, *prognosis pessima* становится весьма вероятным.

Так или иначе, мы видим, что лженаука атакует науку по нескольким линиям: методология, фактологическая база, социальная роль.

Итак, подводя итог сказанному, можно назвать следующие принципиальные отличия научного мышления от мифологического. И эти же отличия позволяют диагностировать лженауку.

1. Для науки первичны **факты**. В них, и только в них, выявляется истина. Для мифа первична «правда» (имеющаяся **картина мира**, в основном ценностная), которая должна быть привнесена в реальность — любыми средствами, пусть даже искусственными.
2. В силу того, что научная истина основана на объективных фактах, она **едина** для всех людей на свете. Мифическая правда **приватизируется** — если не одним лицом (пророком или гуру), то группой избранных.
3. Поскольку миф — принадлежность лишь одной группы, стало быть, для всех, кто в эту группу не может или не желает войти, он и не предназначен. Это меняет **характер прозелитизма** современного мифа: его пропаганда рассчитана не на всеобщее убеждение, а на выявление людей подходящего психологического типа. Этим современный миф отличается не только от науки, обращённой ко всему человечеству (как и мировые религии), но и от архаических мифов, вообще лишённых прозелитизма.
4. Науке нет нужды постоянно отвоёвывать для себя место, миф же в этом нуждается всегда.

---

⁹⁰ IOSPE — Latyshev V. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Petropolis, 1885—1916. (Латышев В. В. Греческие и латинские надписи северного берега Чёрного моря. СПб., 1885—1916), монументальнейший свод источников античного периода.

5. Миф не видит *различия между обоснованной гипотезой и безосновательной фантазией*. Более того, в архаическом мифе даже фантазия, как ни странно, бедна по сравнению с мифом современным. Архаический человек знал лишь одну реальность (ту, в которой жил сам) и лишь один тип отношений (тот, в который был включён сам). У него ещё не было материала, чтобы нафантазировать, например, «звёздные войны».
6. Для науки несущественна *биография* учёного — например, его происхождение или социальное положение (если не говорить об одной из дисциплин — истории науки). Для современного мифа это — важнейший аргумент. Вылазки в эту сферу, вроде рассуждений об изначальной порочности «еврейской» или «буржуазной» науки либо канонизации личности автора избранной теории, выполняют для мифотворцев две тесно связанные задачи: а) чётко отграничить целевую аудиторию мифа (провести границу между «нашими» и «не нашими»); б) убедить «наших», что на любые «происки со стороны» не следует обращать внимание. Тем самым искусственно сужается круг лиц, суждение которых может считаться авторитетным.
7. Наука выстраивает единую связную картину мира, и споры касаются лишь того, как отдельные элементы этой картины могут быть согласованы друг с другом. Мифология в этом отношении *раздроблена*: картина мира в каждом мифе своя, элементы одного мифа совершенно непригодны для другого. Невозможно, например, верить тому, что пишет о гуннах Г. Вирт (2007: 353), и в то же время быть приверженцем Л. Н. Гумилёва. Поэтому приверженцы мифов воюют между собой куда ожесточённее, чем настоящие учёные (ср.: Клейн 2004:127; Вирт 2007: 366—367; Кондратьев 2007: 515).
8. Поскольку для науки нет авторитета выше фактов, то научная борьба *исчерпывается установлением истины*. Для мифа такой критерий недоступен, поэтому именно мифологи борются между собой другими средствами, включая административные и насильственные.
9. Наука сама постоянно озабочена собственной *методологией*. Важнее самой новой информации — метод, которым она была получена и проверена. «Вопрос “как вы *открыли* теорию?” касается чисто личных вещей, в отличие от вопроса “как вы *проверили* теорию?”» (Поппер 1993: 154—155). В мифе картина иная: его методологией занимается, как ни странно, та же наука. Сам же миф на место метода ставит *легенду* — ссылку на единичное и в принципе невозпроизводимое событие, вроде чудесной находки или единичного информатора, с тех пор исчезнувшего. В крайнем случае возможна ссылка на гениальную интуицию автора: так поступил Шпенглер в отношении самого себя. Но в гениальной интуиции нельзя отказать и Ньютону, и Эйнштейну. Однако их теории были признаны научным миром не из-за веры в их гениальность, а в силу публикации проверяемых экспериментальных данных, необъяснимых никакими предшествующими теориями. А этого-то Шпенглер сделать не смог: его «вчувствование» невозпроизводимо.

Поэтому диссертация о стихах возможна (вся пушкинистика, к примеру), а стихи о диссертации — вряд ли. Кроме разве что шуточных стихов, сочинённых для дружеского круга и не предназначенных к печати. Получается, что наука может контролировать поэтическое или мифологическое сознание, а последнее не может ответить тем же.

В.3.3. Мифы школьного образования

Откуда в антинауке такая сильная тяга к дилетантизму? И притом во вполне конкретном смысле: всяк *принципиально* не на своём месте. Очень редко абсурдную физическую теорию выдвигал физик: чаще это был либо гуманитарий, решивший перескочить в физику под лозунгом «междисциплинарности», либо вовсе безграмотный «самородок из низов». Почему так происходит? И почему, например, серьёзные физики избегают заниматься теориями вроде «вечного льда» или «полой Земли», разве что деспотическая власть их к этому принудит? По каким критериям мы в таком случае отличаем серьёзность? С другой стороны: почему дилетант, как правило, при всех благородных усилиях порождает только лженауку? Думается, это объяснимо.

Рациональность даже нашего века сильно преувеличена. Воспитание ребёнка начинается с многочисленных табу, налагаемых родителями, — совершенно по аналогии с туземцами Океании, у которых табу тоже «лучше воспринимать как предупредительные знаки, а не как запреты» (Миронов 2006: 25; ср. Элиаде 1999: I, 52—56). Затем они усваивают сказки (как известно, сказка — это первая форма вырождения архаического мифа: миф, в который перестали верить), а из них — основы нравственного поведения: почему надо вести себя, подобно сказочному герою, даже тогда, когда мама не накажет. Впрочем, степень веры тут тоже не стоит преуменьшать. Многие дети, выросшие в атеистических семьях, не верили в Христа, но долго верили в Деда-Мороза. Н. Чаушеску как-то раз приказал разъяснить во всех школах, что никакого Деда-Мороза нет, что только Президент посылает новогодние подарки. И многие румынские учителя до сих пор помнят, как плакали дети, услышав от них: «Дедушка старенький, он умер...» Так не оплакивают Ивана-царевича, узнав, что всё это — сказки.

Становление современного человека происходит в средней школе. Но ведь школьное образование построено на мифах от начала до конца. Ведь мифичность заключена не в информации, а в способе её изложения и восприятия. Не будем уж повторять изумительные примеры из «*Мифологий*» Р. Барта, возьмём хотя бы дарвинизм. В науке это — достаточно сложная теория со своими сильными и слабыми сторонами, пережившая за свою историю немало кризисов, а порой игравшая очень неоднозначную роль (см.: Колчинский 2007). Так или иначе, сегодня у неё нет достойных соперников: не считать же креационистов и эзотериков, у которых вот уже две тысячи лет нет ни единого нового аргумента в защиту своих идей. Однако школьнику всего этого рассказать нельзя — и не только потому, что может не понять, но и потому, что в таком случае в школьной программе не останется времени ни для чего, кроме дарвинизма. Поэтому в школе он узнаёт лишь немногое: природа подчинена законам эволюции, человек произошёл от обезьяны, и открыл это Дарвин. Но в учебниках не говорится, что Ч. Дарвин пришёл к этим идеям